

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. В. Виноградов

БИРЮЗА, ПЕРВОБЫТНАЯ МОДА, ЭТНОГЕНЕЗ...

Бывают в работе темы, чаще второстепенные, своего рода ответвления от главного русла занятий, которые, кажется, никогда не иссякают и к которым на протяжении многих лет возвращаешься вновь и вновь. И дело, видимо, не только в том, что периодически появляется новый интересный материал (хотя в конечном итоге и это немаловажно). Вероятно, решающую роль играет тут какое-то особое положение предмета в кругу научных интересов или, говоря другими словами, некая приязнь, особое душевное расположение. Для меня таким предметом, такой темой являются кызылкумские самоцветы, в первую очередь бирюза. Первым знакомством, выросшим потом в глубокий и длительный интерес к теме, я обязан ташкентскому геологу С. В. Лопатину. Это был энтузиаст в своей не совсем привычной для геолога работе, человек уже далеко не молодой, но живой и увлекающийся, очень интересовавшийся археологией и этнографией (и сам занимавшийся археологией), писавший втихомолку стихи. Главным же его увлечением в последние годы была бирюза.

1. Бирюза Кызылкумов

Серый конверт с ташкентским обратным адресом, листы писчей бумаги, покрытые с обеих сторон размашистым почерком С. В. Лопатина: «...о бирюзе у нас мало кто знает. Минерал хотя и древний, но забыт давно и прочно, и поэтому мне так трудно „двигать“ бирюзовые дела. Впрочем, в будущем году предполагают разведку на бирюзу, в том числе и в Кызылкумах... Был на Бирюзакане в Таджикской ССР. Там работает В. И. Киреев и они нас уже „переплюнули“ — добыли около 300 килограмм прекрасной бирюзы».

Письмо это почти десятилетней давности, и уже нет в живых Степана Владимировича — он погиб в 1965 г., а я пользуюсь любым случаем, чтобы хотя бы бегло обследовать старые, давно заброшенные горные выработки в Кызылкумах. Изучение древних горных промыслов не стоит сейчас в плане наших полевых работ. Но как не «выкроить» машину и не выбраться хоть на неделю в Букантау, если до них от нашего палаточного лагеря меньше сотни километров.

Букантау — самая северная из горных возвышенностей Внутренних Кызылкумов. На добрую сотню километров протянулись в разных направлениях невысокие хребты, изрезанные саями-оврагами плато. Пробираясь по саям, встречаем редкие колодцы с войлочными казахскими юртами, с большими отарами, ждущими очереди на водопой. В Букантау — много древних разработок бирюзы. Старые выработки не

так-то просто найти. Даже если известно, что они где-то здесь, рядом. Машину оставляем на бугре (хороший ориентир) и веером разбредаемся по покрытой редкой, пропыленной колючкой слегка всхолмленной равнине. Через два часа наша маленькая группа снова в сборе у оплывших, заросших полынью мелких корытообразных ям, окруженных отвалами. Расположенные отдельными группами они цепочкой уходят в обе стороны на многие сотни метров. Это и есть остатки древних горных разработок. Найти их, действительно, нелегко — настолько сглажены временем не только мелкие ямы-«копуши», но и крупные карьерообразные выработки-котлованы.

Не надо быть специалистом, чтобы определить, что здесь добывали. На низких грядках отвалов, на пологих осыпавшихся и заплывших краях «копушек», везде — тысячи мельчайших обломочков, вкраплений, чешуек бирюзы: благородной густо-голубой и бледно-голубой небесных оттенков, зеленоватой и почти белой, выцветшей. Местами они редки, порой почти исчезают, местами покрывают рыжую просоленную земляную корку почти сплошной голубовато-зеленой мозаикой. Здесь на этих последних участках происходила, видимо, сортировка добытой породы и обогащение бирюзы, голубеющей тонкими жилками в кварце и сланцах.

О кызылкумской бирюзе знали давно. Известная еще с первобытных времен, она интенсивнейшим образом разрабатывалась в средние века. Однако позднее бирюзовый промысел постепенно замирает. Новое «открытие» бирюзы связано с работами Партии по изучению древней горной деятельности Министерства геологии УзССР. Название партии не совсем обычно для геологических учреждений. К тому же в штатах партии наряду с геологами имеется и археолог. Однако и то и другое в данном случае вполне оправдано: древние выработки — один из существенных поисковых признаков при разведке ряда полезных ископаемых. И в то же время древние выработки — это археологический памятник. Последнее обстоятельство немаловажно для геологов, так как дает возможность ответить на вопрос, когда и, следовательно, на каком техническом уровне разрабатывалось месторождение.

Этот труд узбекских геологов без преувеличения можно назвать уникальным, во всяком случае централизованные исследования такого масштаба и в других районах СССР мне не известны. Будь результаты этих работ опубликованы (сейчас доступна лишь незначительная их часть), археологи и этнографы — «среднеазиаты» получили бы великолепный справочник как по многочисленным оградочным камням, употреблявшимся населением Средней Азии, так и по различным рудным и нерудным ископаемым, разрабатывавшимся с глубокой древности до недавнего прошлого. Геологи во главе с С. В. Лопатыным и сменившим его в 1965 г. В. И. Киреевым просмотрели горы геологических отчетов и литературы, проделали тысячи километров по равнинам Кызылкумов, в горах Чаткала, Курамы, Гиссара, чтобы найти и описать сотни пунктов, где в древности добывали самоцветы, разрабатывали руду и поделочный камень. Они встретили и настоящие рудники, колоссальных для той поры масштабов, с шахтами и штольнями, системой водоотлива и вентиляции и маленькие ямки-«копуши».

Бирюза заняла в этих работах значительное место. Видимо, не последнюю роль сыграли в этом превратности моды: лет десять назад, когда работы только еще начинались, этот казалось прочно забытый камень стал вдруг необычайно популярен. Резко подскочили цены на мировом рынке. Тогда-то и вспомнили о бирюзе Средней Азии. Речь, однако, пойдет сейчас не об этом, а о тех далеких временах, которые можно назвать зарей ювелирного искусства.

2. Самые древние украшения

Главная улица пересекает Владимир с запада на восток. В восточной части города влево уходит дорога на древний Суздаль. А улица, вернее уже шоссе Москва — Горький, ведет дальше, в не менее древнее с. Боголюбово. Справа от дороги, на окраине города, цеха кирпичного завода и большие глиняные карьеры. Место здесь возвышенное. К югу и востоку открывается чудесный вид на широкую пойму Клязьмы, на просторах которой затерялась одна из замечательнейших древнерусских построек — церковь Покрова на Нерли.

В июле 1955 г. в одном из карьеров стали попадаться крупные кости, а однажды ковш экскаватора разрезал остатки древнего кострища: в стенке карьера была видна темная углистая линза, а вокруг нее скопление костей. В 1956 г. здесь уже работала археологическая экспедиция под руководством О. Н. Бадера. Так была открыта стоянка Сунгирь — один из интереснейших памятников верхнего палеолита Русской равнины.

Вместе с тысячами каменных орудий на стоянке Сунгирь было найдено несколько погребений верхнепалеолитического человека. Расчищая одно из них, археологи нашли огромное количество костяных бус — 3500; были также обнаружены костяные браслеты; в погребении найдена и каменная подвеска. Находка в Сунгире — один из древнейших и самых богатых для этого времени ювелирных наборов. Она не единственна в своем роде. Широко известны крупные комплексы украшений из верхнепалеолитических погребений в гротах близ Ментоны (Италия), где умерших хоронили в одеждах, богато украшенных морскими раковинами, в ожерельях и браслетах из раковин, клыков и резцов животных, позвонков рыб. Ожерелье из 120 бус мамонтовой кости, с подвеской, изображающей летящую птицу, извлечено из детского погребения на верхнепалеолитической стоянке Мальта в Сибири.

Порой наряду с сотнями довольно единообразных бус из кости и раковин археологи находят и настоящие шедевры верхнепалеолитического ювелирного искусства: браслеты и диадемы, нагрудные бляхи и фигурные подвески, которые удивляют изобразительными достоинствами, тонкостью и совершенством отделки.

Украшения верхнего палеолита — древнейшие на Земле. В это время все более развивается техника обработки камня и кости, в частности впервые появляется сверло. Бусина же без сверленного отверстия, как известно, еще не бусина. Удивительно другое — необыкновенный размах ювелирного искусства в эпоху, когда оно только что появилось. Впрочем, это лишь часть сложной проблемы изобразительного искусства верхнего палеолита (вспомним замечательную живопись и скульптуру того времени).

Древнейшие украшения непосредственно связаны с зародившимися в эпоху палеолита религиозными представлениями. Не случайно на бляхах и подвесках мы находим изображения почти всех животных, знакомых тогда человеку. Видимо, эти изображения имели обрядовое, магическое значение и были связаны с тотемным культом зверя. А то, что археологи находят их в погребениях (вместе с другими предметами повседневной жизни) свидетельствует об уже существовавших в верхнем палеолите представлениях о душе и загробной жизни — продолжении земной.

Интересна и техническая сторона дела. Не говоря уже о высокохудожественных украшениях, требовавших больших затрат труда и являвшихся скорее исключением, чем правилом, даже изготовление обычных, повторяющихся в тысячах экземпляров бус и подвесок было делом непростым. Большие количества их, находившиеся, судя по погребениям, в собственности одного лица, скапливались, очевидно, в течение многих десятилетий. Обнаруженные в Сунгире О. Н. Бадером бусы из бивня

мамонта довольно потерты, что дает основание полагать, что ими пользовались длительное время, их перешивали с одной одежды на другую, и они, по-видимому, переходили тем или иным способом от одного человека к другому.

О незаурядной по тем временам ценности коллекции украшений из Сунгиря можно судить хотя бы по тому, что только на изготовление бус (3500 штук) по самым скромным подсчетам требовалось более 2600 часов рабочего времени (около $\frac{1}{3}$ года непрерывного труда). С. А. Семенов, специалист по истории первобытной техники, считает, что изготовление одной сунгирьской бусины отнимало 30—60 минут.

Вряд ли во времена верхнего палеолита изготовлением украшений, во всяком случае обычных бус, нашивок, бляшек, занимались специальные мастера. Лишь позднее в ранненеолитическое время зарождается «ювелирная» специализация; так, в ранненеолитическом поселении Джейтун (Южная Туркмения), полностью и очень тщательно раскопанном по одному из строительных горизонтов, полные комплекты «ювелирных орудий» встречаются уже не в каждом доме поселка. Впрочем, процесс, этот идет настолько быстро, что в неолите мы находим уже и настоящие мастерские по изготовлению украшений, и первые значительные разработки разных самоцветов.

3. Первые ювелирные мастерские

В 1947 г. археологический отряд под руководством А. П. Окладникова вел разведку на Красноводском полуострове. Археологи нашли здесь десятки пунктов с каменными орудиями. Одним из самых интересных оказался памятник, известный сейчас как мастерская у мыса Куба-Сенгир. В земляном заполнении небольшого естественного углубления в скале было найдено около тысячи бус и заготовок для них. Материал использовался местный, который сравнительно легко было получить в окрестностях мастерской, — створки каспийских раковин дидакна. Бусы нескольких типов лежали рядами, словно нанизанные на невидимую нить. Здесь же были заготовки — лишь просверленные, а то и вовсе почти не обработанные раковины. Мастерская датировалась эпохой неолита.

Неолитические ювелирные мастерские известны и в других местах. Совсем недавно была сделана новая интересная находка такого рода, на этот раз в Кызылкумах. Один из отрядов Хорезмской экспедиции работал в районе соленых Лявляканских озер. Находки, несколько неожиданные в этих суровых, безводных местах, следовали одна за другой. Берега озер, ныне совершенно безжизненные, как оказалось, в неолите были густо заселены. Очевидно, несколько тысячелетий назад в озерах вместо многометровой корки соли была пресная вода. На приозерных стоянках археологи находили все, что положено находить в таких случаях: обломки лепной глиняной посуды и кремневые орудия — скребки, скобели, проколки, наконечники стрел. Из украшений чаще всего попадались мелкие бирюзовые бусы. Тут же были и необработанные обломки бирюзы. Иногда они располагались небольшими скоплениями и вместе с ними можно было найти миниатюрные кремневые орудия — микросверла: одно, несколько или несколько десятков. С их помощью в бирюзовых заготовках сверлились отверстия.

Стоянка Лявлякан 59 сразу же обратила на себя внимание. Керамики здесь было мало. Кремьень имелся в изобилии, но был необычным. Характерные для других лявляканских стоянок кремневые орудия попадались редко. Уплотненное песчаное дно и один из склонов небольшой котловины были усеяны мельчайшими кремневыми обломками. При более детальном рассмотрении многие из них оказались микросверлами, а остальные — заготовками для сверл и отходами при их изготовлении.

Часто встречавшиеся обломки бирюзы окончательно разъяснили дело: перед нами были остатки специализированного производства бус — ювелирной мастерской. В смежной котловине оказалось меньшее по размерам скопление таких же находок — «филиал» мастерской. По ряду признаков мастерскую можно было датировать III тысячелетием до н. э., т. е. концом неолита или энеолитом. Бирюзовые находки ничем не отличались от тех, что были получены на стоянках. Только готовых бус здесь не было. Кроме обломков бирюзы были найдены лишь заготовки для бус да брак (бусы часто ломались при сверлении).

Совсем недавно остатки крупных (по масштабам неолита, конечно) ювелирных производств были найдены в другом районе Внутренних Кызылкумов — на Бешбулаке. Бешбулакские мастерские интересны тем, что в качестве сырья наряду с бирюзой там широко использовался мраморный оникс — минерал, в первобытных коллекциях из Кызылкумов встретившийся впервые.

Микросверла льяляканских и бешбулакских ювелиров очень интересны. Рабочая часть их — тонкий длинный стержень (5—6 мм, при общей длине орудия в среднем в 10 мм), отделенный от тыльной части орудия хорошо выраженными плечиками (отчего и само орудие называется «плечиковым микросверлом»). Рукоять, если ее можно так назвать, маленькая, иногда длиной не более половины или даже трети рабочего конца. Таким орудием не только нельзя сверлить вручную, но и захватить-то его пальцами трудно. Очевидно, льяляканцы применяли для сверления какой-то простейший механизм.

Установлено, что в палеолите и мезолите применялись простейшие способы сверления — одноручный и двуручный, преимущественно последний. На конце деревянного или костяного стержня закреплялось каменное сверло (или просто обломок кремня с острым концом). Этот инструмент вращали ладонями. Сверлили обычно с двух сторон. Отверстие в разрезе было биконическим, как правило, со смещенными осями: встречные углубления редко совпадали. В неолите был изобретен и широко уже применялся лучковый сверлильный прибор. Стержень с зажатым на конце сверлом вращался уже не ладонями, а перехлещнутой вокруг него тетивой лука. Лучковый способ сверления значительно облегчил обработку камня и других материалов. Он давал возможность работать очень тонким сверлом. Однако и при этом отверстие оставалось коническим или биконическим. Льяляканские ювелиры, по-видимому, уже знали и применяли лучковый способ.

Миниатюрность рабочей части сверл и хрупкость материалов, из которых они были сделаны, приводили к частым поломкам. Микросверла с обломанным концом составляют большую часть находок в мастерской. Впрочем, для подготовки инструментов — замены сломанного сверла новым — требовались считанные минуты. Для этого и служили те заготовленные впрок сотни сверл, что были найдены в мастерской. Изготовление их было делом несложным, и за несколько часов мастер мог сделать много десятков таких орудий.

Судя по размерам мастерской, продукция ее была значительной. К тому же следы производства бус в «домашних» условиях обнаружены на многих льяляканских стоянках. В связи с этим возник вопрос: вся ли продукция льяляканских «ювелиров» предназначалась для внутреннего потребления?

Неолит — это время хорошо налаженных межплеменных связей, когда некоторые изделия (или сырье для их изготовления) встречаются порой за многие сотни километров от места их изготовления или добычи. Мастерская у м. Куба-Сенгир дает интересный материал для изучения таких связей. Оказалось, что бусы из каспийских раковин — дидаки — имеются не только в Прикаспии, но и в районах, за сотни километров удаленных от моря. Может быть, и мастерская у Льялякана тоже рабо-

тала на «экспорт»? Проследить пути распространения бирюзовых поделок было бы очень интересно и важно. Исследования, проведенные в этом направлении, привели, однако к обескураживающему результату: оказалось, что практически все изделия лявляканских «ювелиров» оказались на месте. Но, как это нередко бывает, отрицательный результат привел к не менее интересным последствиям.

4. Мода! Или нечто другое!

В Кызылкумах известны сейчас три большие группы неолитических памятников. Это районы расселения трех племен (или групп племен). Памятники первой группы располагаются в правобережной части низовьев Амударьи. Вторая группа — уже известные нам памятники Лявляканских озер. Третья, южная группа связана с древними руслами низовьев Зеравшана — Махан-дарьей, Эчкиликсаем, Дарьясаем. Эти три района в неолите были отделены один от другого слабо освоенными пространствами, которые, однако, при всей их значительности все же не были непреодолимой преградой для постоянных контактов. Имеются свидетельства в пользу того, что такие контакты поддерживались. Но украшения в каждом районе были разные.

Жители низовой Амударьи — кельтеминарцы решительно предпочитали украшения из раковин. В этом их вкусы совпадали со вкусами населения Прикаспийских районов Туркмении. Однако это сходство было чисто формальным, так как кельтеминарцы употребляли для украшений совсем другие раковины. Изготавливались украшения преимущественно из двух видов раковин: денталии и клямис. Раковины денталии — тонкостенные цилиндрики длиной в 1—1,5 см. В принципе это уже почти готовые пронизки: сверления не требуется, надо лишь выровнять и заполировать края. Клямис — более вычурной формы. Внешне раковина напоминает развернутый веер: треугольная, плоская с хорошо выраженной гофрировкой, линии которой сходятся в одном из углов. Здесь и сверлилось отверстие. Обе раковины местные, ископаемые.

На Лявлякане, как мы знаем, отдавали предпочтение бусам и подвескам из бирюзы. Они же характерны и для другого района Внутренних Кызылкумов — Беш-Булака.

Своеобразны украшения неолитических племен староречий Зеравшана. Здесь раковинам и бирюзе предпочитали бусы и подвески из гальки. Выбирали небольшие, овальные или округлые плоские гальечки и двусторонним сверлением делали отверстие, обычно у края, реже — в центре. Иногда из камня делали специальную заготовку. В этом случае подвеске могли придать ромбическую или треугольную форму, да и материал выбирали покрасивее, например молочно-белый или розоватый кальцит.

Надо сразу же оговориться, что украшения из бирюзы помимо Лявлякана найдены и в Хорезме и на Зеравшане: в первом случае — две бирюзовые бусины (на двести примерно раковинных бус), во втором — несколько бусин (и более сотни подвесок и бус из галек). Каменная подвеска нижнезеравшанского типа найдена на Лявлякане. Наконец, пронизки-денталии найдены в низовьях Зеравшана и на Лявлякане (по нескольку штук). Однако эти исключения не опровергают общей закономерности. Во всяком случае, мы могли бы легко отличить по украшениям кельтеминарца от лявляканца, а последнего — от неолитического человека с низовьев Зеравшана.

Проследить закономерность — только половина дела. Надо ее объяснить. Первое и наиболее логичное из объяснений следующее: мастера «ювелиры» в своей работе зависели от местного сырья. Ведь в типах украшений принципиальных различий нет. По существу лишь особенностями материала обусловлены варианты их форм и размеров.

Известно множество примеров, когда определенные виды украшений территориально приурочены к районам, имеющим соответствующие виды сырья, будь-то нефрит, янтарь, бирюза, специфической формы раковины или скорлупа страусовых яиц. Все другие варианты являются по существу лишь исключениями из этого правила. Дальнейшие разыскания показали, однако, что это объяснение для данного случая не подходит.

Вопрос о материале для нижнезеравшанских подвесок не требовал специальных исследований: мелкие, плоские гальки можно найти практически во всех районах Кызылкумов. Наложение археологической карты Кызылкумов на одномасштабную геологическую карту показало, что обнажения палеогеновых осадков, из которых происходят приглянувшиеся кельтеминарцам денталии, свойственны всем трем районам. Единичные пронизки — денталии со стоянок Лявлякана и Нижнего Зеравшана несомненно местного происхождения. Заметим кстати, что различного рода украшения из раковин-денталий были крайне популярны у населения Европы и Передней Азии, начиная с эпохи верхнего палеолита. Одной из наиболее эффектных находок подобного рода является набор украшений из мезолитических погребений пещеры Мугарет-Эль-Вад в Палестине, где нашитые раковины украшали головной убор и одежду погребенных.

Наиболее сложным казался вопрос о бирюзе. Отрывочные сведения о добыче бирюзы в Кызылкумах, содержащиеся в работах средневековых авторов, в ряде опубликованных геологических отчетов лишь в незначительной степени прояснили дело. Только специальные исследования древних горных выработок, проводившихся в Кызылкумах под руководством С. В. Лопатина, а затем В. И. Киреева дали новый первоклассный материал по этой проблеме.

5. Еще о бирюзе Кызылкумов

С Кызылкумской бирюзой связан широкий круг вопросов, интересных и важных для историков, археологов и этнографов. На многие из них до сих пор еще не существует исчерпывающего ответа.

Сейчас в Кызылкумах известно около двадцати месторождений бирюзы, и все они разрабатывались в древности. Первым из вопросов, сложным и еще далеко нерешенным, является датировка этих выработок. Древние бирюзовые копи Кызылкумов очень сильно различаются по форме и размерам выработок и по масштабам произведенных в древности работ. На одних — мелкие круглые «копуши», на других — огромные корытообразные карьеры или наклонные шахты. Предварительные подсчеты показали, что объем вынутой в древности породы колеблется в разных районах от нескольких десятков до 1—1,5 млн. м³. Крупнейшие в Кызылкумах древние бирюзовые разработки Тасказган (на северном склоне гор Тамдытау) имеют не менее 300 карьерообразных выработок, вытянутых полосой в длину на 20 км при ширине до 4 км. Количество добытой здесь поделочной бирюзы исчисляется, вероятно, десятками тонн.

Древние горные выработки датируются, как правило, обнаруженными на них археологическими находками. Последние обычно бедны, и чтобы получить хороший комплекс, нужны трудоемкие работы. На Кызылкумских разработках детальные археологические работы еще не проводились; кратковременный же осмотр дал лишь немного керамики. Собранные в ходе разведок коллекции не очень выразительны, поэтому весьма спорным остается вопрос о датировке этих разработок.

Среди находок наиболее хорошо представлена средневековая керамика (X—XIV вв.); имеются свидетельства, указывающие на разработку бирюзы в неолитическое время (IV—III тысячелетие до н. э.). Факт

добычи бирюзы в неолите твердо устанавливается также и находками в мастерских и на стоянках Лявлякана и Бешбулака. Анализы показывают идентичность этих находок и образцов из отвалов древних выработок.

Как расположены разработки бирюзы относительно трех районов расселения неолитического человека? Могли ли воспользоваться запасами «голубого камня» кельтеминарцы, любители раковинных ожерелий и зеравшанцы, украшавшие себя подвесками из галек. Да, могли. Если бы захотели. В горах Султануиздаг, у подножья которых жили кельтеминарцы, имеются два месторождения бирюзы и обнаружены древние выработки. И на том и на другом — бирюзовая минерализация хорошо выражена на поверхности. Бирюзу находят также и вблизи от тех мест, где жили зеравшанцы. В горах Кульджуктау, вдоль южного края которых проходит одно из основных и густо заселенных в неолите древних русел — Дарьясай, также имеются два месторождения и выработки. Население южных протоков Зеравшана могло получать бирюзу и из Кульджуктау, и из месторождений Нуратинских гор.

Оказывается, дело не в сырье. А в чем же тогда? Некоторый свет на это проливают более поздние находки. Как говорилось выше, время наиболее интенсивной добычи бирюзы падает на средневековье — X—XIV вв. Казалось бы, в памятниках этого времени украшения из бирюзы должны встречаться в большом количестве. Мы, к сожалению, располагаем данными только по низовьям Амударьи (Хорезм), однако и они достаточно красноречивы. В эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.) бирюзу, как и раньше, здесь не использовали как поделочный камень. Позднее, в VII—II вв. до н. э. бирюзовые поделки получают довольно широкое распространение. Но это практически последние находки бирюзы в Хорезме. Ни в позднеантичное время, ни в средние века украшения из бирюзы здесь не пользовались спросом. Лишь в XVIII—XX вв. бирюза изредка употреблялась в качестве вставок в серебряные женские украшения. Мелкие обломки ее собирали, очевидно, в отвалах старых выработок. Из самоцветов всем камням предпочитали «красный камень» — сердолик.

Все эти обстоятельства снова ставят перед археологами несколько вопросов. Один из них: куда шли десятки тонн бирюзы, добытой в Кызылкумах (в том числе и в Хорезме) в средние века? Вопрос непростой, если учесть, что бирюза добывалась и в горных районах Средней Азии, и поставлялась в Среднюю Азию извне, из знаменитых Нишапурских месторождений Ирана. Некоторые исследователи считали прежде, что вся или почти вся бирюза Средней Азии — иранский импорт. Недавно была сделана обнадеживающая попытка разрешить хотя бы частично эту проблему. Ниже мы еще вернемся к этому.

Другой вопрос: почему, имея «под боком» запасы бирюзы, население некоторых районов предпочитало для украшений другие сорта поделочного камня, порой значительно менее эффектные? Этот вопрос у нас возник впервые при знакомстве с неолитическим населением Кызылкумов и его украшениями. Оказывается, он очень интересует и этнографов, установивших, что население отдельных районов Средней Азии, теперь (или в недавнем прошлом) также отдает предпочтение тому или другому из самоцветов. Что это в последнем случае: различие во вкусах, мода? Конечно, нет. Это сила традиции, уходящей корнями в отдаленное прошлое и связанная с происхождением той или иной этнической группы. Одно из подтверждений этому — сложная символика некоторых самоцветов, связанные с ними поверия, не находящие порой объяснений в современном этнографическом материале.

Преимущественное (реже исключительное) использование определенного вида украшений в эпоху неолита, и в средние века, и в XVII—XIX вв. в принципе явления одного порядка. Можно предполагать, что

«вкус» к бирюзе, лазуриту, сердолику или другому из камней сложился первоначально в связи с наличием его природных запасов на территории обитания и лишь со временем был возведен в традицию. Традиция была стойкой, так как «вкус» к определенному украшению являлся составной частью сложной системы первобытных религиозных верований. Вытянуть до конца из запутанного клубка фактов ниточку традиции редко удастся: слишком переменчивы судьбы первобытных племен. Пример этому — история нижнезеравшанских украшений. К рубежу III и II тысячелетия до н. э. невзрачные каменные подвески здесь исчезают. На смену им приходит довольно богатый набор разнообразных по форме бус более совершенной выделки. И что любопытно, довольно широко применяется бирюза. Что это: «рука Лявлякана»? Вряд ли. Сложившаяся в это время в низовьях Зеравшана заманбабинская энеолитическая культура несет на себе печать очень сильных южных влияний. Об этом свидетельствует и форма бус, в том числе бирюзовых. Однако бирюза продержалась здесь недолго. Примерно к середине II тысячелетия до н. э. украшения из бирюзы практически исчезают (одна бирюзовая поделка на 57 каменных бус). Сменилась традиция? Да. В это время Кызылкумы были «оккупированы» пришельцами с северо-запада — тазабагьябцами. Они появились и в Хорезме. Вспомним: в Хорезме во II тысячелетии до н. э. также нет бирюзовых украшений. Очевидно, это не случайное совпадение.

6. Во выюках — бирюза

Вернемся, однако, немного назад и вспомним о первом из вопросов, возникших при изучении кызылкумских бирюзовых рудников: куда шли десятки тонн бирюзы, добывавшейся в Кызылкумах в позднеантичное время и в средние века. Вопрос этот встал перед исследователями давно, однако только сейчас появилась реальная возможность если не ответить на него исчерпывающе, то, по крайней мере, определить наиболее перспективный путь решения проблемы.

В конце 1971 г. на кафедре археологии Ташкентского университета была защищена кандидатская диссертация по среднеазиатской бирюзе. Диссертация эта вышла из «недр» Партии по изучению древней горной деятельности Министерства геологии УзССР, а автор ее Е. Б. Пругер — выпускник Ташкентского университета и ученик проф. М. Е. Массона — уже многие годы является сотрудником этой партии. Применяя современную методику, Е. Б. Пругер установил связь бирюзовых находок с рядом разновременных археологических памятников с некоторыми определенными месторождениями бирюзы.

То, что бирюзовые бусы ряда неолитических стоянок Кызылкумов, в том числе и Лявляканских, сделаны из Кызылкумской бирюзы, было ясно с момента открытия последних. Исследованиями Е. Б. Пругера это подтвердилось, более того неолитические поделки удалось связать с определенными кызылкумскими рудниками.

Он установил также, что на Афрасиаб — городище бывшего Самарканда — бирюза (в том числе и на раннем этапе, в VI—IV вв. до н. э.) поступала также с кызылкумских месторождений, в частности с таких дальних, как Аякаши I и II в горах Букантау. Однако самые интересные результаты были получены при изучении бирюзовых находок с поселения Кучук-тепе и с городищ Старого Мерва. Украшения Кучук-тепе (VI—IV вв. до н. э.), как и афрасиабские, тоже оказались изготовленными из кызылкумской бирюзы. Несколько сотен километров надо было преодолеть голубому камню из Букантау: ведь поселение Кучук-тепе расположено на крайнем юге Узбекистана, в 70 км от Термеза. Пожалуй, не меньшее расстояние отделяет городища Старого Мерва от хорезмских гор Сулгануиздаг. А именно из сулгануиздагского месторождения

Тебинбулах шла в Мерв бирюза (в том числе в II—III вв. н. э.). Интересно, что среди идентифицированных находок на городищах Мерва, кроме изделий, имеются обломочки бирюзы — сырца. Видимо, караваны везли из Хорезма необработанную бирюзу.

«Привязка» бирюзовых поделок к определенным месторождениям производилась по спектроаналитическим данным: для бирюзы каждого месторождения характерны некоторые микропримеси, свойственные лишь ей. По ним и производится атрибуция образцов. Выбор образцов, изученных Е. Б. Пругером (археологические образцы), видимо, в известной мере был случайным. Однако даже эти по существу разрозненные анализы дали крайне интересный результат. Сейчас можно лишь предполагать о том эффекте, который может быть получен при исследовании крупных серий бирюзовых изделий с памятников разных эпох и разных территорий из этнографических коллекций.

Из палеоэтнографических и палеоэкономических проблем, связанных с самоцветами и снова требующих пересмотра, на одном из первых мест стоит проблема иранской, нишапурской бирюзы. Высококачественная бирюза из Нишапурских рудников стала за последнее тысячелетие не менее легендарным камнем, чем бадахшанский (афганистанский) лазурит. Ранее считалось, что если не вся, то большая часть среднеазиатской «археологической» и «этнографической» бирюзы — иранский импорт. Однако исследования последнего десятилетия, и особенно упоминавшиеся выше находки в Старом Мерве, Афрасиабе и Кучуктепе, решительно опровергают это. Можно предполагать сейчас, что слава — вполне заслуженная — нишапурского самоцвета складывалась, видимо, лишь в средние века и особенно в позднем средневековье, когда среднеазиатский бирюзовый промысел стал приходить в упадок. Впрочем, сейчас имеется реальная возможность разрешить и проблему импорта, и некоторые другие из «бирюзовых» проблем.

Одновременно встают другие вопросы. Для исследователей Кызылкумов (да и не только Кызылкумов) главные из них — два. Один связан с сердоликом, другой — с ониксом.

О находках мраморного оникса и изделий из него в районе Бешбулака — первых массовых находках подобного рода в Кызылкумах — мы уже говорили выше. Задача заключается в том, чтобы найти источник получения этого минерала для бешбулакских мастерских. В недавно вышедшей сводке Н. Л. Николаева¹ отмечено четыре месторождения мраморного оникса, все далеко за пределами Кызылкумов. Происхождение же бешбулакского оникса безусловно местное, кызылкумское. Этот натечный минерал образуется обычно в карстовых пустотах, пещерах, трещинах. В 1971 г. в поисках оникса мы осмотрели пещеры и навесы Окжетпеса — ближайшей к Бешбулаку возвышенности, однако безрезультатно.

Значительно сложнее, но и интереснее обстоит дело с сердоликом. Популярен он в Средней Азии — с древнейших времен и до наших дней — чрезвычайно, однако места добычи его здесь пока практически неизвестны (в древности, согласно Бируни, славился сердолик иеменский и индийский). Имеются неточные указания на добычу его в недавнее время в горах Султануиздаг в Хорезме.

Самые древние сердоликовые бусы в Хорезме относятся к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. э.); считается, что они месопотамского происхождения. Самый выразительный поздний сердоликовый комплекс — уникальная коллекция женских украшений XIX — начала XX в., собранная нукусским художником и искусствоведом Игорем Витальевичем Савицким. Знакомство с коллекцией позволяет говорить скорее о местном, чем о привозном характере сердоликовых вставок.

¹ Н. Л. Николаев, Декоративные камни Узбекистана, Ташкент, 1967.

С. В. Лопатин долго, но тщетно искал сердолик в Султануиздаге. В конце концов он пришел к убеждению, что Бурлы 3— месторождение (и древние разработки) кремня. Там же добывался и сердолик. В 1961 г. мы провели на Бурлы 3 разведочные работы, однако Степан Владимирович не смог, к сожалению, детально познакомиться с их результатами. Вопрос этот остается открытым до сих пор.

История самоцветов и украшений из них— один из увлекательнейших сюжетов для исследования. Дело, очевидно, в том, что при этом одновременно затрагиваются сферы и материальной, и духовной жизни людей: с одной стороны, верования, вкусы, мода, с другой — источники сырья, техника и организация производства. Многие из поставленных выше вопросов остались без ответа. Одни из них могут быть разрешены уже сейчас на имеющихся материалах и существующими методами. Они лишь ждут исследователя. Решение других — дело будущего.
